УДК 316.334.22+316.324

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Исследуется современный этап развития городской среды. Отмечается, что он характеризуется возрастанием роли городского публичного пространства, активизацией сетевого взаимодействия горожан, усилением взаимосвязи физического и цифрового компонентов в городской среде. Определяются показатели эволюции социокультурной среды города: соотношение приватного и публичного компонентов в городской среде, соотношение вертикального и горизонтального взаимодействия горожан, степень адаптации населения к технологической трансформации города.

Ключевые слова: урбанизация; городская среда; социокультурная эволюция городов; периодизация развития городов; современный город.

SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF THE URBAN ENVIRONMENT AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E. V. LEBEDEVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The current stage of development of the urban environment is characterised by an increase in the role of urban public space; activation of network interaction of citizens; strengthening the relationship between physical and digital in the urban environment. The criteria for the evolution of the socio-cultural environment of the city are the ratio of private and public in the urban environment; the ratio of vertical horizontal interaction of citizens, as well as the degree of adaptation of citizens to the technological transformation of the city.

Keywords: urbanisation; urban environment; sociocultural evolution of cities; periodisation of urban development; modern city.

Введение

Традиционно понятие «урбанизация» трактуется как рост городов, увеличение численности городского населения, развитие городских производственных комплексов. Среди факторов урбанизации выделяют социально-экономические, демографические и географические. По мере активизации урбанизационных процессов повышенный интерес к ним стали проявлять исследователи в области географии, экономики, культурологии, политологии и социологии. Расцветом советской городской социологии принято считать 1960-е гг. Этому способствовали массовое жилищное строительство

Образец цитирования:
Лебедева ЕВ. Социокультурная эволюция городской среды как объект социологического анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:48–56.
https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-48-56

For citation:
Lebedeva EV. Socio-cultural evolution of the urban environment as an object of sociological analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:48–56. Russian.
https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-48-56

Автор:
Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:
Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of technology of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

и проектирование новых городов, что актуализировало потребность в прикладных исследованиях, направленных на обслуживание жилищной и градостроительной политики. С начала 1980-х гг. наряду с Москвой центрами городских исследований стали Ленинград, Таллин и Новосибирск. Социологическое изучение города в тот период концентрировалось на «накопленном общественном богатстве», которое «расширяет, обогащает и облегчает условия жизни и труда населения города» [1, с. 87], а также на работе объектов обслуживания как отражении функционально-пространственной дифференциации городской среды [2]. Сопоставляя различные ракурсы функционирования города (динамику структуры городской семьи, бюджет времени горожанина, его социальную активность и т. д.), социологи пытались выявить ключевые показатели и цели социального развития городов. Важную роль в понимании процессов урбанизации в советский период сыграли работы Л. Б. Когана[1] [3], в которых он впервые отметил ее социально-пространственный характер: «…центральным продуктом урбанизации в целом является воспроизводство человека во всем богатстве его возможностей и способностей, творческих потенций» [3, с. 5]. При этом социальное развитие города предполагало собой наращивание интеграционного потенциала городской среды и сопровождалось систематической перестройкой социально-функциональной структуры города по критерию центральности. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. утвердилась идея о том, что город представляет собой совокупность производственных и социально-территориальных ресурсов, причем последние обеспечивают воспроизводство ресурсов первого типа за счет притока человеческого капитала в город. В зависимости от соотношения типов ресурсов предлагалось выделять следующие типы городов: флагманы (города, в которых социально-территориальные ресурсы полностью обеспечивают развитие производственных), средние, слабые, паразиты (города, которые нуждаются во внешних дотациях и где ни один из указанных типов ресурсов не воспроизводится) и «аутсайдеры» (города, не способные конкурировать за трудовые ресурсы и доступ к социальным благам) [4, с. 98–100]. На основании этого Т. М. Дридзе предложила применять к анализу городского устройства методы прогнозного социального проектирования, социальной экспертизы градостроительных проектов и программ, а также комплексные социально-диагностические технологии как дифференцированный подход к изучению влияния особенностей местной среды на образ и качество жизни городских сообществ [5; 6]. А. С. Ахиезер выделил специфические черты урбанизационных процессов на постсоветском пространстве на примере России. Их главной отличительной чертой являлось то, что города формировались не столько посредством товарно-денежных отношений, сколько посредством ускоренного перемещения человеческих ресурсов из сельской местности (например, в результате всесоюзных ударных комсомольских строек), что привело к механическому переносу элементов сельской жизни в город и появлению феномена псевдоурбанизации [7]. По мнению К. К. Красовского [8], урбанизации в Беларуси также были свойственны искусственное увеличение числа городов, запаздывание качественных перемен по сравнению с количественными, слабая выраженность процесса агломерирования. При этом основные изменения в городском расселении происходили во второй половине XX в., когда число городских поселений выросло со 173 в 1939 г. до 212 в 1999 г., а доля городского населения в общей численности жителей увеличилась с 21 до 69 %. Отчасти это объясняется тем, что ведущую роль в росте городов и городского населения в Беларуси сыграла индустриализация (высокие темпы развития промышленности в послевоенный период), которая обусловила постепенную концентрацию населения в городах.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. представления о развитии городов значительно расширили свое предметное поле: в фокус эмпирического анализа попали такие темы, как городская политика, гражданское общество, право на город, городские конфликты и социальные движения. Возможность исключительно централизованного управления процессами градообразования ставилась под сомнение [9]. Активно зазвучали вопросы о местном самоуправлении, роли локальных сообществ, низовых инициативах. Урбанизация начала трактоваться как смена фаз естественной социальной динамики и механизмов самоорганизации города. О. Н. Яницкий показал, что постепенная активизация низовых гражданских инициатив свидетельствует о коренных преобразованиях в социально-культурной среде города, в частности о переформатировании его на принципиально новой идеологической основе, представляющей собой прямую демократию, когда горожане стремятся участвовать в решении важных вопросов, касающихся жизни города. Эмпирически им были выделены фазы развития прямой демократии: информационная (право знать), стимулирующая (право быть вовлеченным), дискуссионная (право на альтернативную точку зрения), а также фаза участия в принятии решений (право делать) [10; 11]. После 2010-х гг. взгляд на горожанина как на активного субъекта урбанизации, участвующего в создании и развитии городской среды, оформился окончательно. Свое влияние на этот процесс оказали цифровая революция (рост популярности социальных сетей, появление многочисленных медийных платформ, посвященных городскому развитию), политические преобразования

[1] *Коган Л. Б.* Социально-культурные функции городов и развитие их пространственной среды : автореф. дис. … д-ра архитектуры : 18.00.04. М. : Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т по градостроительству, 1989. 50 с.

(постепенная демократизация и плюрализация, становление гражданского общества, развитие низовых инициатив), социокультурное влияние глобализации (популярность западноевропейского образа активного, осознанного, ответственного горожанина, участвующего в жизни своего сообщества). При этом городская среда выступает в высшей степени изменчивым и подвижным феноменом, конфигурация которого постоянно переопределяется текущими траекториями развития локальных конфликтов, конкретными сценариями взаимодействия различных игроков, соотношением ресурсов, к которым они прибегают, т. е. городским режимом, сложившимся на данный момент [12, с. 44].

В современной социологической науке урбанизация представляет собой междисциплинарное предметное поле. Развитие городов рассматривается и в экономическом (как процесс территориального разделения труда, социального расслоения, накопления социального капитала и т. д.), демографическом (как повышение удельного веса городского населения в стране, регионе или мире), политологическом (как процесс перераспределения власти, формирования новых политических центров, появления новых политических символов), философском (как становление урбанистической цивилизации) и социально-культурном (как распространение городского образа жизни, развитие городской культуры, возрастание роли городов в социальной жизни, формирование личности горожанина и т. д.) ключе. Таким образом, в социологии под урбанизацией подразумевается совокупность определенных процессов, которые, оказывая влияние на политические и культурные аспекты общества, значительно преобразуют его социально-экономическую и демографическую структуру. Основатель советской экономической географии Н. Н. Баранский предложил определение урбанизации как сложного, многостороннего, географического, социального, экономического и демографического процесса, который стимулирует прогрессирование населения города [13]. Несмотря на комплексность определения (охват экономического, демографического, географического аспектов), остался открытым вопрос о критериях прогрессирования городского населения.

Известный российский урбанист В. Л. Глазычев [9] выделяет три направления, на которых концентрирует внимание современная урбанистика: во-первых, внешняя форма города, его структура, архитектура, планировка, во-вторых, проблемы инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, мобильности, качества жизни, в-третьих, городская социальность (то, насколько горожане вовлечены в процесс городского планирования, а также социальные связи, социальный капитал, создание сообществ, уровень доверия).

Одной из первых попыток систематизировать различные точки зрения на урбанизацию является классификация концепций американского социолога Ч. Тилли:

- демографическая концепция, рассматривающая урбанизацию как растущую концентрацию населения в крупных плотных поселениях;
- экономическая концепция, согласно которой урбанизация представляет собой процесс территориальной концентрации производственной деятельности;
- интеракционистская концепция, которая подчеркивает рост специализированных сетей социальных отношений, сгруппированных в городах, независимо от роста численности населения городов;
- нормативная концепция, в соответствии с которой урбанизация становится способом производства и распространения определенного образа жизни [14, p. 102].

Сложность заключается в том, что урбогенез (процесс возникновения и формирования города) оценивается чаще всего в количественных параметрах (численность населения, занимаемая площадь, производимая доля ВВП, объем выбросов в атмосферу, протяженность цифровой инфраструктуры и т. д.) и не отражает качественных трансформаций современных городов. При этом городская среда представляет собой значимый символический инструмент трансляции культурной идентичности, коллективной памяти и доминирующих идеологических и политических ценностей, что часто упускается из виду в ходе изучения урбанизации.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ социокультурной эволюции городской среды как процесса качественного преобразования ее типологических характеристик. Данное обстоятельство определило цель настоящей статьи – поиск критериев социокультурного развития городской среды. С учетом указанной цели были решены следующие задачи: рассмотрено понятие социокультурной эволюции городской среды, выделены ее основные этапы, дана их общая характеристика, обозначены ключевые векторы трансформации социокультурной среды города на современном этапе.

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного в белорусских городах, в Минске, Гродно и Бобруйске, в январе – феврале 2022 г. Выборка составила 800 человек (в Минске – 400 , в Гродно – 250, в Бобруйске – 150). Опрос проводился по квотной выборке, квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Расчетная величина ошибки выборки не превысила 4,8 %. Вопросы анкеты раскрывали такие темы, как городской досуг, доверие горожан другу к другу, возможность участия в развитии города.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего следует определить понятие социокультурной эволюции городской среды и выделить ее основные этапы. Социокультурную эволюцию можно рассматривать как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает социальная форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [15, с. 7]. Согласно теории культурной экологии Дж. Стюарта [16] в основе социокультурной эволюции лежит способность сложных социальных систем адаптироваться к внешней среде, в частности к территориальным, политическим, экономическим, культурным и другим преобразованиям, при этом определяющими факторами адаптации являются развитие экономики и технологий.

Городская среда, как сложная система, представленная в физическом (природа и архитектура) и социальном (культура, ценности, межличностные отношения) разрезах, также включена в постоянный процесс адаптации к изменяющейся окружающей среде. Безусловно, каждый город обладает уникальным культурным срезом, поскольку представляет собой неповторимую смесь различных исторических событий, архитектурных форм, культурных и политических артефактов, что подтверждает мультилинейность социокультурной эволюции. Однако, отбросив влияние случайностей, можно выделить общие черты городской среды, сформированной под воздействием внешних факторов. Типичный белорусский город «в разрезе» представлен тремя самостоятельными культурными слоями:

1) советским наследием;

2) переходным культурным слоем;

3) сферой культурного взаимодействия.

Исходя из этого, можно выделить три ключевых периода социокультурной эволюции белорусского города:

1) советский (1950–60-е гг. – середина 1990-х гг.) – этап архитектурного модернизма в сочетании с исторической спецификой урбанизации (переселение рабочей силы из деревень, акцент на промышленной роли города и т. д.);

2) переходный (конец 1990-х – начало 2010-х гг.) – этап адаптации к политическим и экономическим, а затем и к культурным изменениям;

3) современный (2010-е гг. – настоящее время) – этап влияния цифровой революции, экономической и культурной глобализации, экологического кризиса, усиления индивидуализма и т. д.

Социокультурная среда советского города во многом была определена доминировавшими в то время рациональными принципами экономического планирования, которые оказали значительное влияние на его территориально-пространственную организацию. Воплотившись в реальность, эти принципы отразились на внешнем облике большинства городов СССР, что позволяет говорить о существовании общей модели советского города. Основными чертами данной модели являются следующие: пространственное равенство в распределении единиц общественного потребления, максимально возможное сокращение времени, необходимого для преодоления расстояния от дома до работы, жесткое зонирование использования территорий, а также рационализация движения транспортных потоков. Согласно идеологии советского планирования сегрегация, как социальное различение, была невозможна (этому способствовали унифицированные пространственные паттерны, примерно одинаковая плотность застройки, равномерное распределение сооружений культурно-бытового обслуживания). Единственно возможной дифференциацией в данном случае была дифференциация на основе производственного статуса. Разумеется, на практике встречались исключения (к примеру, эксклюзивный доступ к определенным местам городского пространства высокостатусных групп советского общества), однако в целом идеология социального равенства и приоритета производственных интересов доминировала. Общественный центр выполнял важную политическую и идеологическую функцию, являясь наглядным воплощением коммунистических идей и ценностей. Архитектурные ансамбли центральной части советских городов стремились «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [17, с. 10], что воплощалось и в проектировании (значительные размеры, монументальные пропорции), и в дизайне (большое количество политических символов) городских площадей, парков и проспектов. По мнению Э. Гидденса, «организация пространства советских городов определялась соображениями общественной пользы, а не рыночной стоимостью, как в западных странах» [18, с. 411]. Это проявлялось в равномерной плотности застройки и отсутствии однородных этнических районов (гетто) в отличие от многих капиталистических городов. Советское городское планирование предусматривало также широкий набор возможностей для отдыха и активного образа жизни горожан (различные парки, катки, спортивные площадки и т. д.). Однако их существование артикулировалось скорее как необходимый элемент социалистического образа жизни, забота государства о своих гражданах, чем как возможность для развития локальной активности и местного самоуправления горожан, самостоятельного освоения городской территории, реализации права на город. В результате социальная активность в советском городе концентрировалась не в городских центрах (на площадях, проспектах и в городских парках), как это было исторически принято в западных городах, а на периферии в неформальных публичных пространствах [19]. Жилые дворы и примыкавшие

к ним зеленые зоны выступали в качестве сцены для социального процесса, позволяли горожанам взаимодействовать, способствовали социализации подрастающего поколения и выступали инструментом неформального контроля, устанавливая негласные правила сосуществования [19].

Переходный этап социокультурного развития городской среды во многом определили произошедшие после падения советской системы перемены:

• идеологические (ослабление политического значения городской среды как ресурса национальной идентичности и коллективной памяти);

• экономические (появление новых элементов экономической инфраструктуры города);

• социальные (поляризация общества, изменения в системе ценностных ориентаций горожан).

Были запущены процессы приватизации и коммерциализации городского публичного пространства, в результате смены экономической базы городская идентичность начала формироваться вокруг процессов потребления (а не производства, как было раньше). Географическая конфигурация города также переформировалась вокруг новых узлов, в качестве которых выступили разнообразные пространства потребления (торговые центры, «барные» улицы, многочисленные кафе и кофейни). Публичная жизнь постепенно начала смещаться от периферии к центру, однако ее смысл кардинально изменился – в основе любого взаимодействия лежали потребительские практики (выбор еды, одежды, досуга, идентичности и т. д.). Из инструмента уравнивания градостроительство превратилось в один из мощных инструментов социально-территориальной сегрегации населения (появление густонаселенных микрорайонов, уплотнение устоявшихся жилых территорий, предпочтение многоэтажной застройки). Это привело к значительному ослаблению городских сообществ (в первую очередь соседских), снижению способности горожан к самоорганизации, росту отчуждения и равнодушию к своему окружению. Д. Харви называет такую трансформацию пространственным кризисом, при котором ландшафт, приспособленный к определенной фазе развития, становится барьером для последующей трансформации города. В ситуации смены экономической базы развития города его географическая конфигурация должна быть переформирована вокруг новых транспортных и коммуникационных инфраструктур, центров и стилей производства и потребления, мест скоплений рабочих рук и трансформированных социальных инфраструктур. «Старые места должны быть обесценены, разрушены и перестроены, в то время как новые места – созданы заново»[2] [20, p. 296].

В последние годы социокультурная среда белорусских городов приобретает новые черты. Это выражается прежде всего в возрастании роли городского публичного пространства как одного из ключевых структурообразующих элементов городской среды. Публичное пространство представляется как важнейший ресурс формирования гражданского общества, развития институционального доверия, преодоления коммуникативных разрывов между обществом, бизнесом и государством. При этом нарушение баланса приватного и публичного в городской среде препятствует гармоничному развитию не только самого города, но и общества в целом. Анкетный опрос показал, что современные горожане (в частности, жители Минска, Гродно и Бобруйска) довольно часто проводят свободное время в городских публичных пространствах (табл. 1). Кроме того, респонденты интересуются информацией о происходящих в городе событиях, новых местах, примечательных людях, истории и культуре своего города, традициях своей местности (на это указали 58,8 % опрошенных).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто Вы проводите свободное время вне дома (в парке, кафе, кино, театре, музее и т. д.)?» – в зависимости от города, %

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question: «How often do you spend your free time outside the home (in the park, cafe, cinema, theater, museum, etc.)?», depending on city, %

Вариант ответа	Минск	Гродно	Бобруйск
Практически ежедневно	42,3	49,2	44,7
Несколько раз в неделю	30,0	18,0	17,3
Несколько раз в месяц	13,7	9,6	22,0
Крайне редко	14,0	23,2	16,0

[2]Перевод наш. – *Е. Л.*

Кроме того, в последние годы наблюдается активизация сетевого взаимодействия горожан, а также развитие соседства и соседских сообществ. Исследователи полагают, что сообщество может стать отправной точкой в современных городских исследованиях [21, p. 358]. Активно распространяющиеся цифровые технологии меняют функционирование сообществ и предлагают новые ракурсы их рассмотрения. Исследование показало, что более 80 % респондентов ежедневно пользуются различными мессенджерами (*Viber*, *Telegram* и др.), практически каждый третий участник опроса общается в локальных чатах с соседями. При этом 61,6 % опрошенных отметили, что готовы прийти на помощь соседям в трудных жизненных ситуациях, еще 50,4 % респондентов указали на то, что ощущают поддержку соседей. Усиление горизонтального взаимодействия горожан начинает выражаться в изменении отношения к своему городу: появлении эмоциональной привязанности, укреплении чувства ответственности, желании передать любовь к своему городу детям. Влияние сетевого взаимодействия горожан на чувство ответственности за родной город и на эмоциональную привязанность к нему представлено в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Ощущаете ли Вы ответственность за благоустройство и привлекательность своего города?» – в зависимости от отношений с соседями, %

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question: «Do you feel responsible for the improvement and attractiveness of your city?», depending on relations with neighbours, %

Вариант ответа	Доля ответивших среди общего числа респондентов	Доля ответивших среди тех, кто ощущает поддержку соседей
Да	46,3	71,9
Нет	27,7	9,3
Трудно сказать	25,1	18,7

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Гордитесь ли Вы своим городом и хотите ли передать это чувство детям?» – в зависимости от отношений с соседями, %

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question: «Are you proud of your city and do you want to convey this feeling to children?», depending on relations with neighbours, %

Вариант ответа	Доля ответивших среди общего числа респондентов	Доля ответивших среди тех, кто ощущает поддержку соседей
Да	48,6	74,0
Нет	29,6	10,5
Трудно сказать	21,7	15,5

Стоит отметить тенденцию к усилению взаимосвязи физического и цифрового компонентов в городской среде (появление феномена гибридной городской среды). Поворот к материальному компоненту занимает важное место в современных городских исследованиях, которые начинают включать в предметное поле физические аспекты городской среды: специфику городской застройки, его цифровую инфраструктуру. По результатам исследования, более 80 % опрошенных полагают, что цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время, более 50 % респондентов согласны с тем, что цифровые технологии предоставляют дополнительные возможности для карьерного роста, образования и развития. Около половины участников опроса отмечают, что цифровые технологии дают свободу для творчества, самореализации, делают жизнь более яркой и насыщенной и позволяют интересно проводить время (табл. 4).

Таблица 4

Количество респондентов, согласившихся с утверждениями о роли цифровых технологий в повседневной жизни, %

Table 4

Number of respondents who agreed with the statements about the role of digital technologies in everyday life, %

Утверждение	Доля согласившихся респондентов
Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время	82,3
Цифровые технологии предоставляют дополнительные возможности для карьерного роста, образования и развития	58,0
Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	49,3
Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	49,0

Заключение

Подводя итог, следует отметить ключевые показатели социокультурной эволюции городской среды. Во-первых, это соотношение приватного и публичного компонентов. Развитие городской среды представляется как ее способность выступать в роли связующего элемента для горожан, органично интегрировать их в городскую жизнь, выступать средством сокращения коммуникативных разрывов. Во-вторых, важным показателем социокультурной динамики города является соотношение вертикального и горизонтального взаимодействия горожан. То, что горизонтальная коммуникация выступает в роли основы для развития вертикальной коммуникации, обеспечивает более гармоничное развитие города, а также возможность формировать институты местного самоуправления эволюционным путем без нарушения привычной структуры городской среды. При этом для городских властей самоорганизация граждан – это «шанс на экономическую разгрузку» и «стабилизацию существующих систем представительной демократии и свободного рынка» [22, с. 37]. Если же в городском взаимодействии доминируют вертикальные коммуникации, «горожане переживают утрату контроля над собственными жизнями», «не чувствуют, что экономика в них заинтересована, политики действительно представляют их интересы» [22, с. 36–37]. В-третьих, показателем социокультурного развития городской среды является степень адаптации горожан к технологической трансформации города, в частности их отношение к использованию инноваций. Можно выделить следующие прикладные аспекты адаптации к цифровой трансформации: доступность новых технологий для горожан (наличие разнообразных технологических решений умного города), знания и навыки обращения с цифровыми технологиями, а также интериоризацию новых технологий, т. е. их осознанное, добровольное, внутренне инициированное использование для решения каждодневных прикладных задач не только в профессиональной деятельности, но и в быту.

Таким образом, городская среда представляет собой отражение общекультурных и исторических процессов, происходящих в обществе, а ее эволюция – это сложный мультилинейный процесс смены устоявшихся институтов общежития, совместных принципов солидарности горожан, трансформации культурных ценностей и смыслов. Исключительно широкое предметное поле городской социологии свидетельствует о том, что урбанизация – это социальный процесс, затрагивающий не только сами города, но и общество в целом и во многом определяющий потенциал его устойчивого развития.

Библиографические ссылки

1. Коровин ЛС. Некоторые вопросы развития общественного богатства города. В: Кутырёв БП, редактор. *Социологические исследования проблем города и жилища 1970–1980-х гг.* Новосибирск: Наука; 1986. с. 85–90.

2. Шпаковская ЕС. Функционально-пространственная дифференциация среды крупнейшего города. В: Кутырёв БП, редактор. *Социологические исследования проблем города и жилища 1970–1980-х гг.* Новосибирск: Наука; 1986. с. 41–48.

3. Коган ЛБ. Урбанизация и городские процессы: сущность и задачи исследования. В: Кутырёв БП, редактор. *Социологические исследования проблем города и жилища 1970–1980-х гг.* Новосибирск: Наука; 1986. с. 5–19.

4. Круусвалл Ю, Хейдметс М. О путях повышения социальной эффективности городской среды. В: Павельсон М, Катус К, редакторы. *Воспроизводственные процессы города*. Таллин: Валгус; 1986. с. 132–150.

5. Дридзе ТМ. Мы строим город – для кого: для ведомств или для людей? В: Дридзе ТМ, редактор. *Прогнозное социальное проектирование и социальная диагностика*. Москва: Институт социологии Академии наук СССР; 1991. с. 314–320.

6. Дридзе ТМ. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды. В: Сайко ЭВ, редактор. *Город как социокультурное явление исторического процесса*. Москва: Наука; 1995. с. 334–344.

7. Ахиезер АС, редактор. *Общественное воспроизводство: экологические проблемы*. Москва: Институт международного рабочего движения Академии наук СССР; 1991. 247 с.

8. Красовский КК. *Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ*. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2004. 203 с.

9. Глазычев ВЛ. *Урбанистика*. Москва: Европа; 2017. 220 с.

10. Яницкий ОН. Обоснование градостроительных решений в условиях гласности. *Социологические исследования*. 1988;4:19–25.

11. Яницкий ОН. *Социальные движения. 100 интервью с лидерами*. Москва: Московский рабочий; 1991. 272 с.

12. Бедерсон ВД, Желнина АА, Запорожец ОН, Минаева ЭЮ, Семенов АВ, Тыканова ЕВ и др. *Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России*. Москва: ФНИСЦ РАН; 2021. 194 с.

13. Баранский НН. Теоретические подходы к исследованию проблем урбанизированных территорий. *Економичній форум*. 2011;2:4–5.

14. Tilly Ch. The state of urbanization. *Comparative Studies in Society and History*. 1967;1(10):100–113.

15. Классен Х. Й. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В: Крадин НН, Коротаев АВ, Бондаренко ДМ, Лынша ВА, редакторы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос; 2000. с. 6–23.

16. Steward JC, Steward JH, Murphy RF. *Evolution and ecology. Essays on social transformation*. Urbana: University of Illinois Press; 1977. 406 p.

17. Матвеева НМ. Общественные центры городов. *Архитектура СССР*. 1972;7:9–13.

18. Гидденс Э. *Социология*. Москва: Едиториал УРСС; 2005. 632 с.

19. Лебедева ЕВ. Трансформация публичного пространства постсоветских городов. *Социология*. 2016;4:107–115.

20. Harvey D. *Justice, nature and the geography of differences*. Oxford: Blackwell; 1996. 480 p.

21. May T, Perry B, Le Galès P. The future of urban sociology. *Sociology*. 2005;39(2):343–370.

22. Делленбо М, Кип М, Бьеньек М, Мюллер АК, Швегман М, редакторы. *Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка*. Безуглов Д, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2020. 320 с.

References

1. Korovin LS. [Some questions of the development of the public wealth of the city]. In: Kutyrev BP, editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha 1970–1980-kh gg.* [Sociological studies of the problems of the city and housing in 1970s–1980s]. Novosibirsk: Nauka; 1986. p. 85–90. Russian.

2. Shpakovskaya ES. [Functional-spatial differentiation of the environment of the largest city]. In: Kutyrev BP, editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha 1970–1980-kh gg.* [Sociological studies of the problems of the city and housing in 1970s–1980s]. Novosibirsk: Nauka; 1986. p. 41–48. Russian.

3. Kogan LB. [Urbanisation and urban processes: the essence and objectives of the study]. In: Kutyrev BP, editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya problem goroda i zhilishcha 1970–1980-kh gg.* [Sociological studies of the problems of the city and housing in 1970s–1980s]. Novosibirsk: Nauka; 1986. p. 5–19. Russian.

4. Kruusvall Yu, Heidmets M. [On ways to improve the social efficiency of the urban environment]. In: Pavel'son M, Katus K, editors. *Vosproizvodstvennye protsessy goroda* [Reproductive processes of the city]. Tallinn: Valgus; 1986. p. 132–150. Russian.

5. Dridze TM. [We are building a city – for whom: for departments or for people?]. In: Dridze TM, editor. *Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie i sotsial'naya diagnostika* [Predictive social design and social diagnostics]. Moscow: Institut sotsiologii Akademii nauk SSSR; 1991. p. 314–320. Russian.

6. Dridze TM. [Communicative mechanisms of culture and predictive-project approach to the development of a strategy for the development of the urban environment]. In: Saiko EV, editor. *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa* [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. Moscow: Nauka; 1995. p. 334–344. Russian.

7. Akhiezer AS, editor. *Obshchestvennoe vosproizvodstvo: ekologicheskie problemy* [Social reproduction: ecological problems]. Moscow: Institut mezhdunarodnogo rabochego dvizheniya Akademii nauk SSSR; 1991. 247 p. Russian.

8. Krasovskii KK. *Urbanizatsiya v Belarusi: ekonomiko-geograficheskii analiz* [Urbanisation in Belarus: economic and geographical analysis]. Brest: Brest State A. Pushkin University; 2004. 203 p. Russian.

9. Glazychev VL. *Urbanistika* [Urbanistics]. Moscow: Europe; 2017. 220 p. Russian.

10. Yanitskii ON. [Substantiation of town-planning decisions in the conditions of publicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;4:19–25. Russian.

11. Yanitskii ON. *Sotsial'nye dvizheniya. 100 interv'yu s liderami* [Social movements. 100 interviews with leaders]. Moscow: Moskovskii rabochii; 1991. 272 p. Russian.

12. Bederson VD, Zhelnina AA, Zaporozhets ON, Minaeva EYu, Semenov AV, Tykanova EV, et al. *Goroda raskhodyashchikhsya ulits: traektorii razvitiya gorodskikh konfliktov v Rossii* [Cities of divergent streets: trajectories of development of urban conflicts in Russia]. Moscow: Federal Scientific Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 2021. 194 p. Russian.

13. Baranskii NN. [Theoretical approaches to the study of the problems of urbanised territories]. *Ekonomychnij forum*. 2011;2:4–5. Russian.

14. Tilly Ch. The state of urbanization. *Comparative Studies in Society and History*. 1967;1(10):100–113.
15. Klassen HJM. [Problems, paradoxes and perspectives of evolutionism]. In: Kradin NN, Korotaev AV, Bondarenko DM, Lynsha VA, editors. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilisation]. Moscow: Logos; 2000. p. 6–23. Russian.
16. Steward JC, Steward JH, Murphy RF. *Evolution and ecology. Essays on social transformation*. Urbana: University of Illinois Press; 1977. 406 p.
17. Matveeva NM. [Community centers of cities]. *Arkhitektura SSSR*. 1972;7:9–13. Russian.
18. Giddens E. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS; 2005. 632 p. Russian.
19. Lebedzeva AV. Transformation of public space in post-Soviet cities. *Sotsiologiya*. 2016;4:107–115. Russian.
20. Harvey D. *Justice, nature and the geography of differences*. Oxford: Blackwell; 1996. 480 p.
21. May T, Perry B, Le Galès P. The future of urban sociology. *Sociology*. 2005;39(2):343–370.
22. Dellenbo M, Kip M, B'en'ek M, Myuller AK, Shvegman M, editors. *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban commons. Urban communities beyond the state and the market]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. 320 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.11.2022.
Received by editorial board 20.11.2022.